

Юй Цин за свою долгую жизнь повидал немало чужих смертей, но от зрелища, представшего перед глазами теперь, даже у него тоскливо заныло в груди.

Обычный час в повседневной суете пролетает незаметно, но для Гу Сяояня каждая утекающая секунда этого часа была нескончаемой пыткой.

Не в силах больше смотреть на это, Юй Цин отвернулся. Вдруг его плечо ощутимо потяжелело. Он повернул голову — и в тот же миг за щекой у него оказалась конфета.

— Ты... — Юй Цин мгновенно почувствовал приторно-сладкий вкус молочной ириски, из-за чего его голос прозвучал невнятно. Слегка запнувшись, он отвел взгляд в сторону: — Откуда у тебя конфеты?

— Заметил недавно, как ты засматривался на чужие сладости, вот и прихватил по дороге несколько штук. — Му Юаньчжи негромко усмехнулся, вспомнив что-то, и добавил: — Вчера ты казался суровым и бесстрастным, откуда же сегодня взялась эта внезапная жалость?

Юй Цин разжевал конфету, перекатил сладкий комочек за другую щеку, отчего та забавно надулась.

— Кто еще из нас расчувствовался! Обычный приступ милосердия, ничего более.

Сама смерть не вселяет ужас. Настоящий кошмар — это томительное ожидание ее неизбежного прихода.

На экране в приложении «Ты помер?» обратный отсчет замер на последних десяти секундах. Сделав глубокий вдох, Юй Цин поудобнее перехватил Цепь, сковывающую души, и шагнул к постели Гу Сяояня.

Но стоило ему приблизиться к кровати, как из тела юноши хлынул колоссальный поток темной энергии. Черная густая мгла за долю секунды заволокла всю спальню.

Гу Сяоянь... он обратился свирепым призраком!

— Но почему?... — Юй Цин отступил на шаг, не веря собственным глазам.

«Почему Гу Сяоянь все-таки поддался темной энергии и переродился свирепым призраком? Ведь узел обид в его душе только что был развязан!»

Застыв на месте, Юй Цин потрясенно наблюдал, как клубы зловещего тумана вокруг Гу Сяояня разрастаются с каждой секундой. Черная мгла выплеснулась из спальни, затапливая всю квартиру.

Продолжавшие истошно орать друг на друга супруги Гу испуганно смолкли, когда на них напал этот мрак. Взаимные попреки оборвались на полуслове.

Повернув голову, Гу Тан замер от ужаса: прямо из колышущейся черной бездны на него смотрели налитые кровью, светящиеся алым глаза.

— За что... — Голос Гу Сяояня изменился до неузнаваемости: он стал глухим, утробным, прерываясь kloкочущим хрипом. От этих звуков мороз шел по коже.

Сотканная из могильного тумана тень медленно надвигалась на супругов. Те, кто мгновение назад готов был вцепиться друг другу в глотки, теперь в ужасе прижимались друг к другу, ища спасения.

Мать Гу попятилась, прячась за спину Гу Тана. Ее голос задрожал от первородного страха:

— Кто... кто ты?

— Кто я? — Черный силуэт содрогнулся от жуткого смеха, перешедшего на крик. — Неужели ты не узнаешь собственного сына, мама?

Всего час назад он сидел в запертой комнате и медленно резал вены.

Жизнь капля за каплей уходила из него вместе с горячей кровью, пока за дверью самые близкие люди захлеб орал друг на друга, решая, кому же из них обузой достанется сын.

Он умирал в абсолютном одиночестве, и никому до него не было дела.

Гу Сяоянь думал, что смерть принесет долгожданный покой. Но в последние секунды перед тем, как его сознание угасло навсегда, в его голове раздался вкрадчивый, чужой шепот:

«Неужели ты готов просто уйти? Неужели тебе не обидно?»

Конечно, ему было обидно. Безумно горько.

Он мог бы радоваться жизни, творить, любить и всегда оставаться на светлой стороне. Но теперь будущего не существовало. Все оборвалось в один миг.

«Разве мог он смириться с этим?»

Голос в его голове, почуяв сомнение, стал еще мягче, настойчивее, нашептывая сладкий яд:

«Тогда отомсти. Сделай это»

В конце концов, жизнь дается один раз, так к чему эти рамки? Если твое будущее разрушено, зачем вообще жалеть остальных?

Особенно тех, кто собственными руками превратил твоё существование в кошмар.

Вся подавленная ярость, все унижения разом вспыхнули в его душе. Гу Сяоянь почувствовал, как внутри разгорается всепоглощающий черный пожар.

— Я должен... отомстить, — глухо прохрипел Гу Сяоянь, медленно надвигаясь на родителей. Он протянул к ним когтистые лапы, сотканные из тумана.

Темная энергия полностью лишила его человеческого облика. В колышущейся черной фигуре выделялись лишь два горящих ненавистью глаза.

— Сяоянь?! — Каким-то чудом осознав, что перед ней собственный сын, мать Гу вдруг растеряла весь страх. Страх сменился привычным раздражением: — Ты что еще за фокусы устроил?! Я же велела тебе прилежно учиться...

Однако договорить ей не позволил Гу Тан.

— Сумасшедшая дура! Посмотри, что творится, а ты все за свое! — Гу Тан тяжело задышал, с силой обрывая ее. Ярость на миг вытеснила страх: — Сяоянь... сынок, что с тобой стряслось? Это же я, твой отец!

В ответ Гу Сяоянь лишь злобно оскалился и нанес удар. Однако не успели его когти коснуться отца, как из воздуха змеей метнулась тонкая алая нить, намертво перехватив запястье призрака.

Рывок вывернул руку призрака назад, буквально сбив его с ног и отбросив прочь. Обернувшись, он уставился на Юй Цина, на лице которого застыло сложное выражение.

— Ты хочешь помешать мне? — Гу Сяоянь слегка склонил голову набок. Лик его, лишенный очертаний, оставался неподвижным. — Решил их спасти?

Юй Цин обреченно закатил глаза, мысленно прощаясь со своей премией.

— Идиот, я вообще-то тебя спасаю, — в сердцах бросил он. — Окропишь руки их кровью — угодишь под Небесную кару, и от твоей души мокрого места не останется.

Закон воздаяния неумолим. Праведником быть тяжело, но даже если злодеи уходят от человеческого правосудия, в посмертии они сполна заплатят по счетам.

Гу Сяоянь в этой жизни не совершил никакого зла, а из-за того, что его земной путь оказался слишком горьким, в следующем перерождении его ждала счастливая, безбедная судьба.

К чему же губить вечность ради секундной вспышки ярости?

Но Гу Сяоянь его не слышал. Он уставился на Юй Цина своими полыхающими алыми глазами и вдруг хрипло рассмеялся:

— А я-то, дурак, поверил, будто ты хороший. Но ты ничем не лучше остальных.

С этими словами он бросился на Юй Цина.

Каждый его выпад был смертоносным, а удары сыпались с такой скоростью и точностью, словно перед Юй Цином предстал не вчерашний школьник, а закаленный в боях демон.

Юй Цин уклонился, пропуская мимо уха свистящие когти. Прямо сквозь клубящийся мрак призрачного тела он разглядел сеть тонких багровых капилляров, опутывавших душу юноши.

— Техника поглощения душ?

Эта зловещая техника когда-то принадлежала первому Призрачному лекарю, который использовал ее для укрощения свирепых призраков. Она наносила непоправимый вред душе, а потому, когда клан Призрачных лекарей был стерт с лица земли, Небесные наставники уничтожили все упоминания о ней.

— Какая тонкая игра, — Юй Цин помрачнел от гнева. Он почувствовал себя уязвленным: — Я вообще-то Король призраков. И кто-то всерьез решил натравить на меня только что обратившегося мальчишку?

«Подумать только: стоило мне на пару веков уйти в тень и вести себя потише, как мой авторитет спустили в сточную канаву. Кто-то действительно счел меня слабым?»

Пока Юй Цин умело уворачивался от взбешенного призрака, Му Юаньчжи подошел к замершим родителям. Взгляд его был ледяным.

— Ведь вы же не могли совсем не заботиться о нем, — тихо произнес он. Му Юаньчжи не считал себя добряком, но порой его переполняла мрачная, глубокая скорбь.

Скорбь по этому миру, который так безнадежно отличался от его идеалов.

Ему всегда казалось, что все должно быть иначе.

— Девять месяцев ты носила его под сердцем. Ты растила его, оберегала, видела каждый день на протяжении шестнадцати лет, — Му Юаньчжи проигнорировал Гу Тана и уставился прямо на его жену: — Посмотри на него теперь. Твое сердце действительно не болит за него?

Взгляд матери Гу остекленел. Она по-прежнему пряталась за спиной мужа, но она мгновенно напряглась, как струна. Внутренний холод заставил утихнуть первобытный ужас.

— Сяоянь... — сипло выдавила она из пересохшего горла. — Что с ним?

— Он умер. Вскрыл себе вены, — ровным, безэмоциональным тоном произнес Му Юаньчжи. Он неотрывно следил за несчастной женщиной. — Ты хоть знаешь, каково это — истекать кровью? Чувствовать, как с каждым толчком сердца из тебя уходит тепло. Пока на смену шоку не придет смерть. Все это длилось больше часа.

Иными словами, Гу Сяоянь шаг за шагом угасал в ледяном кошмаре, переживая все эти муки в полном одиночестве.

А ведь за весь этот бесконечный час у вас было бесчисленное количество шансов спасти его. Всего-то и нужно было — открыть его дверь.

Лицо матери Гу исказилось судорогой. Ее губы задрожали, она открывала и закрывала рот, но так и не смогла вымолвить ни слова.

Она ведь... она просто разозлилась вчера и сгоряча порвала его рисунки. И утром наговорила лишнего от обиды... Разве могла она всерьез желать ему смерти? Как она могла отказаться от собственного ребенка?

Слишком запоздалое, удушающее чувство вины нахлынуло на нее. Сердце сжалось от невыносимой боли.

Гу Тан, уловив суть их слов, мгновенно уцепился за обвинение:

— То есть Сяоянь убил себя из-за нее?!

Стоило ему проснуться утром, как на него посыпались десятки пропущенных звонков и гневных сообщений от жены. Он в спешке бросился домой, даже не успев словом перемолвиться с сыном — супруга тут же устроила скандал на пороге.

— Не только из-за нее, — Му Юаньчжи одарил его презрительным взглядом и покачал головой:
— В том, кем он стал, виноваты вы оба.

Мать была главной виновницей, но и отец несет не меньшую ответственность.

Прояви вы к мальчику хоть каплю тепла, ничего этого бы не случилось.

Тем временем темная энергия вокруг Гу Сяояня стала гуще, а опутавшие его багровые нити налились зловещей кровью. Юноша превратился в безжалостную куклу, заведенную на убийство: он не чувствовал боли и исступленно бросался на Юй Цина.

Безумие окончательно поглотило его разум.

— Сяоянь! Это я, твоя мама! — взвыла женщина и рванулась к чудовищу, но Му Юаньчжи жестко перехватил ее поперек тела. — Мама виновата, сынок, прости меня... Я больше слова тебе поперек не скажу!

— Бесполезно, — холодно оборвал ее Му Юаньчжи, поражаясь глупости женщины. — Он вас не слышит. Все, что им сейчас движет — это слепая жажда мести.

Мать Гу обессиленно рухнула на колени, размазывая слезы по лицу.

— Как же так... За что? Я ведь просто хотела, чтобы он прилежно учился, почему все закончилось этим кошмаром?

Она бессвязно бормотала, судорожно вцепившись в брючину Му Юаньчжи:

— Пожалуйста, умоляю вас, спасите моего мальчика! Я все отдам, заберите все, только помогите ему...

— Он уже мертв, — холодно напомнил ей Му Юаньчжи. И добавил: — Но если эта темная энергия поглотит его окончательно, он исчезнет навсегда. Исключен из колеса сансары.

Му Юаньчжи перевел взгляд на сражающихся.

Справиться с Гу Сяоянем для Юй Цина не составляло труда.

Бой затянулся лишь потому, что Король призраков щадил несчастного юношу, опасаясь повредить те самые багровые пути.

Жертвы Техники поглощения душ полностью лишены воли, и любая грубая сила может

привести к тому, что их сущность просто развеется пеплом.

Юй Цин помнил, через какой ад пришлось пройти этому мальчику, и сердце его протестовало против такой жестокой развязки. Он искренне хотел дать ему шанс на спасение.

Но, судя по всему, дело принимало скверный оборот.

В тот момент, когда Юй Цин уже собирался пустить в ход стальные монеты, чтобы скрутить строптивца, комнату прорезала чистая, звонкая трель флейты. На подоконнике из ниоткуда возник силуэт в белом врачебном халате.

Доктор Му все так же щеголял в очках в тонкой золотой оправе. Изящными пальцами он сжимал маленькую флейту из сочного зеленого бамбука и едва заметно, издевательски усмехнулся.

— Ну же, Гу Сяоянь, — негромко произнес он, опустив инструмент. — Разве ты не жаждешь мести?

<http://bllate.org/book/20077/2040223>